DOI: 10.17117/na.2016.04.04.361

<http://ucom.ru/doc/na.2016.04.04.361.pdf>

Поступила (Received): 26.04.2016

Султанбаева Х.В.

К проблеме происхождения послелогов менэн, өсөн, каршы, күрә, башка (на материале башкирского языка)

Sultanbaeva Kh.B.

To the problem of the origin of postpositions менэн, өсөн, каршы, күрә, башка (on the basis of the Bashkir language)

Происхождение частей речи вообще, и служебных, в частности, представляет собой сложную и интересную проблему для лингвистики. Послелогически непосредственно связаны со становлением агглютинативного строя тюркских языков. Как отмечалось многими исследователями, они возникли из знаменательных частей речи путем их десемантизации и грамматикализации. В данной статье рассматривается происхождение таких общетюркских послелогов, как менэн, өсөн, каршы, күрә, башка

Ключевые слова: тюркские языки, башкирский язык

The origin of the parts of speech in general, and the service, in particular, represents a complex and interesting problem for linguistics. Postpositions directly related with the formation of agglutinative system of the Turkic languages. As noted by many researchers, its arose from significant parts of speech by it's desemantizatsiya and grammaticalization

Key words: Turkic languages, Bashkir language

Султанбаева Хадиса Валиевна

Доктор филологических наук, профессор
Башкирский государственный университет
г. Уфа, ул. З. Валиди, 32

Sultanbaeva Khadisa Balieva

Doctor of Philology Sciences, Professor
Bashkir state university
Ufa, Zaki Validi st., 32

Башкирский язык обладает развитой системой послелогов, в которой представлены такие общетюркские послелогии, как *менэн, өсөн, кеүек* и др. [4, 92].

Послелог *менэн* восходит к одному из фонетических вариантов древнего послелога *бирлэн / бирлә*, который встречается во всех древнетюркских памятниках, относящихся к различным периодам, и сохраняется почти во всех современных тюркских языках. Как отмечает А.М. Щербак, «слитное» деепричастие типа *бирлэн* стало исходной формой для более чем двадцати фонетических разновидностей послелога и аффикса, образовавшихся путем упрощения структуры, выпадения согласных, ассимиляции и т.д. [8, 80]. Этот процесс особенно отчетливо прослеживается на примере староузбекского языка, для которого характерны следующие разновидности данного послелога: *бирлэн – бирлә – билэн – билә – илэн – илә* [6, 25]. В современных тюркских языках послелог *бирлэн / бирлә* употребляется в двух фонетических вариантах: 1) в кумыкском языке – *булан*, татарском – *белэн*, узбекском – *билэн*, туркменском *билен* и др., 2) в

киргизском языке – *менен*, ногайском – *ман / мен*, каракалпакском – *менен / бенен*, хакасском – *минаң* и др.

Проблема происхождения послелого *бирлән / бирлә* вызывает у тюркологов большой интерес, выразившийся, в частности, в появлении нескольких этимологических объяснений. В связи с этим следует сказать о существовании точки зрения, согласно которой *бирлән, бирлә* – производные от глагола *бирил* «объединяться» [5, 104]. Однако большинство тюркологов первую часть данного послелого возводят к числительному *бир* «один». Морфологический состав послелого *бирлән* подробно анализируется А.Н. Кононовым, который расчленил этот послелог на следующие составные части: *бир + лә + н*. А.Н. Кононов считает, что *бир* – числительное «один», *лә* – аффикс, образующий глаголы от имен, *н* – аффикс деепричастия. По его утверждению, послелог *бирлән* первоначально мог иметь значение «совместно, заодно» [2, 314].

Өсөн «для, ради, за, из-за» – общетюркский послелог древнего происхождения, в современных тюркских языках встречается в следующих фонетических вариантах: в киргизском, хакасском, туркменском – *үчүн*, казахском – *үшин*, к.-калпакском, ногайском – *ушын*, гагаузском – *ичин*, татарском – *өчен* и др. Различные предположения относительно этимологии послелого *учун, ичин*, высказанные в ряде тюркологических исследований, проанализированы А.Н. Кононовым [2, 317]. Все суждения по поводу происхождения данного послелого сводятся к тому, что в нем выделяются два компонента, из которых первый является именной основой (*уч-үч, ич*) с разным лексическим содержанием, второй – морфологическим показателем. О.Н. Бетлингк, например, опираясь на материалы огузского и якутского языков, считал древнейшей разновидностью *ичин*, которую связывал со словом *ич* «нутро, внутренность» [2, 317]. Э.В. Севортян возводит данный послелог к слову *уч* «конец, цель» [3, 642-643]. Такой же точки зрения придерживаются А.Н. Кононов и А.М. Щербак. Последний по этому поводу замечает, что «... наиболее вероятной представляется праформа, содержащая гласные заднего ряда, и что скорее всего это была форма орудного падежа *уч* «конец, цель» [8, 92].

Что касается управления послелого *өсөн*, то в большинстве тюркских языков оно единообразно. В современном башкирском языке все имена в сочетании с послелогом *өсөн* употребляются в форме основного (именительного) падежа, у местоимений в таком сочетании преобладает форма притяжательного падежа, например: *бер башак өсөн* «из-за одного колоса», *балалар өсөн* «для детей», но: *һинең өсөн, беззең өсөн*. В башкирских диалектах наблюдаются случаи использования послелого *өсөн* с падежными окончаниями, например: *беззең өсөнгә* «для нас», *күрер өсөнгә* «чтобы увидеть».

Относительно этимологии послелого *каршы* «против, напротив, к» Н.К. Дмитриев высказывает предположение, что послелог *каршы*, по-видимому, представляет собой деепричастие от глагола *карышыу*, который имеет значение «сопротивляться». Он считает, что типологически *каршы* принадлежит к группе слов, которые являются переходными между служебными именами и послелогом. Это видно из того, пишет он, что *каршы* употребляется иногда в качестве служебного имени: *каршыһында* (напротив его) [1, 125]. В своем исследовании «Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков» А.М. Щербак выступает против сближения древнетюркского послелого *карыш* с

глаголом *кара* «смотреть». «Образование *карыш*, от *кара* «смотреть», пишет он, маловероятно, т.к. форма взаимно-совместного залога от *кара* – *караш*. Сближению *карыш*, с *кара*- препятствует еще одно обстоятельство. Глагол *кара*- появился в тюркских языках, по всей видимости, поздно, в XIII-XIV вв., будучи заимствованным из монгольских языков. В связи с этим примечательно, например, наличие в письменных памятниках караханидской поры глагола *карыш*, при отсутствии в них «кара» [8, 86].

Как отмечает Н.К. Дмитриев, послелог *күрә* (этимологически деепричастие от глагольного корня *күр*- видеть, т. е. буквально: «видя») означает: «согласно, сообразно, судя по, по» [1, 124]. А.М. Щербак послелог *күрә* также связывает с корнем *күр*- «видеть» и приводит следующие его значения: *шуға күрә* «согласно тому, поэтому»; *эшәң күрә* «по его работе»; *ныкка күрә* «из-за того, что крепкий»; *заманына күрә* «соответственно периоду»; *дымлыға күрә* «из-за влажности»; фразеологизм *үзенә күрә* «по себе» [8, 86].

Сведения о послелог *башка* «кроме, без, помимо, за исключением» находим в исследованиях А.Н. Кононова, Н.К. Дмитриева, Г.Г. Саитбатталова. Так, А.Н. Кононов послелог *башка* делит на следующие части: *баш* «голова, начало» + *ка* – словообразовательный аффикс [2, 325]. Н.К. Дмитриев пишет, что по «своему происхождению послелог *башка* является дательным падежом от существительного *баш* (голова, начало), причем эта форма обособилась от первоначального существительного, приняв специальное значение» [1, 125]. В современном башкирском языке послелог *башка* выступает, с одной стороны, как послелог, с другой, – как прилагательное со значением «иной, другой». Г.Г. Саитбатталов отмечает, что послелог *башка*, *бүтән* выступают как прилагательное и как наречие. В качестве прилагательного они употребляются перед существительным, а в качестве наречия – перед глаголом [6, 27].

Список используемых источников:

1. Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 276 с.
2. Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 569 с.
3. Севортян Э.В. К проблеме частей речи в тюркских языках // Вопросы грамматического строя. М., 1955. С. 188-225.
4. Султанбаева Х.В. Система служебных частей речи (на материале башкирского языка): Монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2006. 188 с.
5. Султанбаева Х.В. Служебные слова в системе частей речи башкирского языка. Диссертация. Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. 544 с.
6. Сәйетбатталов Ф.Ф. Бәйләүес менән кичәксәләр һәм уларҙың вазифалары // Башкортостан уҡытыусыһы. 1977. № 1. С. 25-29.
7. Умаров З.А. Грамматика староузбекского языка. Автореферат диссертации. Ташкент, 1967. 21 с.
8. Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (наречие, служебные части речи, изобразительные слова). Л.: Наука, 1987. 149 с.
9. Юлдашев А.А. К характеристике служебных слов в башкирском языке // Вопросы башкирского языкознания. Вып. 61. Сер. филолог. наук. № 24. Уфа, 1972. С. 140-157.

© 2016, Султанбаева Х.В.

К проблеме происхождения послелогов менән, өсөн, каршы, күрә, башка (на материале башкирского языка)

© 2016, Sultanbaeva Kh.B.

To the problem of the origin of postpositions менән, өсөн, каршы, күрә, башка (on the basis of the Bashkir language)